

ВОСТОЧНЫЕ ОБЩЕСТВА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ
II СЪЕЗДА МОЛОДЫХ ВОСТОКОВЕДОВ СТРАН СНГ

БАКУ, 11-14 НОЯБРЯ 2013 ГОДА

<i>Демченко М.Б.</i> Наследие гуру Нанак и бабы Шричанда в контексте индуистско-мусульманских отношений в Пенджабе в XVI-XVIII веках	542
<i>Меликова Л.Ф.</i> Шейх Мухаммад аль-Газали Ахмад ас-Сакка (1917–1996): новаторство в контексте современности	549
<i>Лепехова Е. С.</i> О попытках внедрения системы китайского буддизма в японских монастырях в XII вв.	557
<i>Гасымов К. Т.</i> Полемика вокруг трактата Мухаммада 'Абида ал-Джабири «Критика арабского разума» (накд ал-'акл ал-'араби).....	562
<i>Терехов А. Э.</i> Ремифологизация образов совершенномудрых правителей древности как феномен политической идеологии Китая I в. н.э.	573
<i>Исмаилова А. Х.</i> Глашатай мусульманской цивилизации в Андалусии	588
<i>Воздиган К.М.</i> Функциональная трансформация современного племенного искусства Индии: от ритуалов к музейным пространствам Европы	595
<i>Мамедов Р.Ш.</i> Суфизм как социально-политический регулятор жизни восточных регионов арабо-мусульманского мира X-XV вв.	604
<i>Стеблин-Каменский Н.И.</i> Эфиопская антропонимика в исторической перспективе	617
<i>Раванди-Фадаи Л.М.</i> Конфессиональные проблемы современного Ирана	626
<i>Рагозина С.А.</i> Концепция истории в современной исламской философии	640
<i>Лестев А.Е.</i> Методы психологической подготовки японских воинов	649

**Вклад азербайджанского востоковедения
в мировую востоковедческую науку**

<i>Говхар Бахшалиева.</i> Достижения азербайджанского востоковедения	667
<i>Наиля Велиханлы.</i> Академик Зия Буниятов - каким он был?	680
<i>Виляят Джафар.</i> Профессор Аида Имангулиева в воспоминаниях известных русских ученых-арабистов	683
<i>Масиага Мухаммади.</i> О научной деятельности профессора Рустама Алиева	687

Лестев А.Е.

(Казанский государственный университет
культуры и искусств, Россия)

Методы психологической подготовки японских воинов

Methods of psychological trainings of Japanese warriors

This article describes psychological methods of Japanese warriors' trainings in the traditional schools of martial arts and samurai clans. To prevent the negative effects of stress Japanese warriors developed special methods of training. The investigation in this article based on the study of sources and personal author's experience.

Психологическая подготовка воинов является одной из важнейших сторон подготовки. Воины любых народов независимо от происхождения и места проживания в битвах испытывают одни и те же трудности: страх, боль, потеря близких и друзей, смерть. Японские воины, безусловно, ничем не отличаются от остальных и также нуждались в психологической подготовке. Учитель Алан Флоке описал возможность негативной психологической реакции человека следующим образом: «Опасность вызывает эмоциональный шок, который, найдя благоприятную почву для проявления, частично или полностью подавляет способность к действию»¹.

Столетиями раньше основатель школы боевых искусств Хон синто рю избрал в качестве центрального принципа идею, что человек, обнаживший меч для сражения, объят страхом. Поэтому даже если он выглядит храбрецом его сердце остается в страхе. Принцип обучения в этой школе заключался в воспитании собственного духа и выявлении чужого страха. Таким образом, целью психологической подготовки воинов является преодоление и контроль возможных негативных реакций человека в стрессовой ситуации. Для этого создавались специальные методы физических тренировок в боевых искусствах, заимствовались методы тренировки сознания из религиозных практик и придумывались специальные пропагандистские и идеологические лозунги для программирования сознания будущих воинов.

Первые методы психологической подготовки воинов были тесно связаны с религиозными практиками и ритуалами. История этих методов берет свое начало в шаманской традиции японских воинов. В основе этой традиции лежало

¹ Флоке А. Самозащита. Практическое руководство для самостоятельного изучения. М., 1998. С.70.

достижение экстатического состояния сознания при помощи ритуальных практик и аскетических тренировок. Элементы шаманизма сохранились до сегодняшнего дня в школах боевых искусств, называемых симбу – «божественное воинское искусство». Традиция шаманизма в воинской культуре Японии берет свое начало в мифологических временах. Она сохранялась, развивалась и передавалась в жреческих родах служителей храмов Катори и Касима вплоть до эпохи Муромати, когда она достигла своего расцвета благодаря усилиям великого мастера боевых искусств Иидзаса Иэнао – основателя школы Тэнсин Сёдэн Катори Синто рю².

Основатель школы Иидзаса Иэнао предоставил возможность большому количеству воинов и мастеров изучить традицию, до этого момента остававшуюся закрытой. С этого момента начинается активное развитие и распространение школ боевых искусств в Японии. В 20 веке благодаря великим учителям: Сугино Ёсио, Мотидзуки Минору, Отакэ Ритсукэ, Хатакеяма Горо традиция школы Катори распространилась по всему миру, завоевывая сердца европейских и американских последователей (среди наиболее известных стоит отметить Алана Флоке и Донна Дрэгера). Именно по линии передачи учения от учителя Алана Флоке школа Тэнсин Сёдэн Катори Синто рю впервые появилась в России и странах СНГ.

Для понимания методов психологической подготовки воинов, основанные на шаманизме, необходимо рассмотреть характерные особенности школ симбу – «божественное воинское искусство». Главной чертой школ симбу является история с обретением божественного откровения и получением наставления от богов-покровителей, которыми являются боги Такэмикадзути-но микото и Фуцунуси-но микото. В официальной мифологии боги Такэмикадзути и Фуцунуси выступают в роли посланцев небесных богов, призванных усмирить и подчинить земных духов, подготовив землю для нисхождения божественного внука – потомка великой богини Аматэрасу. Во время усмирения страны боги Такэмикадзути и Фуцунуси³ вступают в состязания в боевом искусстве с земными богами и побеждают их, приводя их к покорности⁴. Не удивительно, что именно эти боги становятся главными божествами, вокруг которых формируются школы симбу. В такой традиции мастер боевых искусств является жрецом, а практика боевого искусства – уникальным методом связи с божеством, для получения от него мастерства, просветления и победы. Исполнение любых ката (стандартных форм) рассматривается также как хоно – жертвенный дар божеству-покровителю. Чем выше мастерство и чем с большим усердием воин практикует ката, тем больше шанс добиться собственного откровения⁵.

2 Горбылев А.М. Синтоистская традиция воинских искусств // Синто – путь японских богов: в 2 т. Т.

3 Когосюи // Синто – путь японских богов: в 2 т. Т. 2.: Тексты синто. СПб., 2002. С. 88.

4 Мифы Древней Японии: Кодзики. Екатеринбург, 2005. С. 143.

5 Горбылев А.М. Синтоистская традиция воинских искусств. С. 618.

Характерным условием обретения божественного откровения или видения в шаманской традиции Японии является тяжелая аскетическая практика, сопровождающаяся огромным физическим и психическим истощением.

Для описания этой традиции мы воспользуемся историей о великом мастере фехтования Иидзаса Иэнао. Однажды, в период отшельничества Иэнао, один из его учеников вымыл своего коня в ручье, который протекал поблизости от святилища Катори. Через некоторое время этот конь стал испытывать сильные боли и вскоре умер. Иэнао приписал смерть коня богу Фуцунуси, который был оскорблен осквернением ручья, мастер увидел в этом событии силу божества Фуцунуси-но микото и стал усердно ему молиться⁶. В возрасте шестидесяти лет мастер Иэнао решил отслужить непрерывную тысячедневную службу в храме Катори, включавшую в себя молитвы и постоянные воинские тренировки. Каждый день после выполнения аскетических обрядов очищения он посвящал себя суровым воинским тренировкам, проходившим в необычайно жестком режиме. Легенды утверждают, что на тысячный день этого подвижничества мастера Иэнао посетило видение бога Фуцунуси-но Микото в облике мальчика. Это могущественное божество, переодетое мальчиком, появилось перед мастером, восседающим на ветви старой сливы. Божество вручило Иэнао книгу «Хэйхо-синсё» («Божественное писание о хэйхо») и предсказало ему: «Ты будешь великим учителем всех фехтовальщиков поднебесной»⁷. После этого Иэнао основал собственную воинскую традицию, которую назвал Тэнсин Сёдэн Синто-рю.

Невероятно интенсивная и изнурительная практика потребовала от мастера задействовать все физические и психические ресурсы организма, выход за пределы физических возможностей организма позволил мастеру достичь измененного состояния сознания – просветления, которое он воспринял как божественное откровение. Дмитрий Умбрин объяснял такое восприятие следующим образом: «Вместе с тем, очевидно, что ритуализованная психофизическая практика субъективно воспринималась архаичным человеком как сверхъестественное действие, как переживание сакрального»⁸.

Очень часто воины в поисках божественного откровения или мастерства отправлялись в горы, которые издавна считались местом обитания духов и богов. В горах воины предавались аскетическим практикам и тренировкам, конечной целью которых было собственное духовное просветление. В горах воинам могут явиться тэнгу, которые открывают достойным тайны мастерства в боевых искусствах. В образе тэнгу запечатлен архетип идеального воина шаманской традиции воинской культуры Японии. Существует два варианта изображения тэнгу: в первом они изображаются в виде людей с красными лицами, огромны-

6 Отакэ, Р. 2011. Учение школы Тенсин Сёдэн Катори Синто Рю. Режим доступа: <http://katori.ru/o-школе/учение-школы-оглавление/истоки-тэнсинсё/>. Дата доступа: 10.11.2013.

7 Там же.

8 Умбрин Д.Н. Воины-звери, воины-колдуны: традиционные пути обретения боевой силы. Мн., 2007. С. 230.

ми носом и глазами навывкате, во втором в виде человека с головой птицы. Японский исследователь Ямаори Тэцуо в своей работе «Лицо: Портрет и культура Японии» пишет, что выделение крупного носа характерно для изображения воинов: «Лицо аристократа следует канону со свитков «Гэндзи моногатари», т.е. правилу «узкие глаза, крючковатый нос». Его крючковатый нос находится в явной дисгармонии со столь разнообразными по форме и размерам носами солдат» и далее: «Новое живописное решение «носа», характерное для воинских портретов, резко контрастировало с хэйанским каноном – так в графической форме отразилась осознанная в ту эпоху мысль о непреодолимой пропасти, лежавшей между воинами и аристократами»⁹.

Таким образом, мы видим, что изображение тэнгу как человека с длинным носом роднит его с изображениями воинов, тогда как очевидно, что гипертрофированный нос служит отображением усиленных качеств, присущих воинам. Ямаори Тэцуо задается вопросом: «Не был ли крупный нос зримым символом неукротимого духа воинов, ставших новой исторической силой?»¹⁰. Характеристика «неукротимый дух» характерна для берсеркской традиции, описанной Горбылевым. Красное лицо и оскал, присущие изображениям тэнгу иллюстрируют ярость и буйство характера тэнгу. Красное лицо – это символ боевого бешенства, достижения измененного состояния сознания. Известно, что для достижения неистовства, боевого бешенства германские и кельтские воины издавали вой, лаяли, уподобляясь собакам, использовали для психоповеденческого превращения в дикого зверя ритуальные процедуры экстатического типа: пляска, употребление опьяняющих веществ, наркотиков. Для внешнего уподобления зверям подражали его повадкам, надевали шкуры, использовали для украшений клыки и когти. В японской воинской традиции для достижения экстатического состояния сознания и связи с божеством изначальные ритуальные песни и пляски были заменены на изнурительную практику боевых искусств, сочетающуюся с молитвами.

К ритуалам, подводящим человека к божественному откровению, относятся: молитвы, долгие тренировки в боевом искусстве, аскезы воды – мисоги и таки-сюгё, связанные с пребыванием в ледяной воде, практике под водопадом, испытание огнем и т.д. Такие ритуалы до сих пор практикуются во многих школах боевых искусств Японии. Существует множество фотографий, запечатлевших известных мастеров, отрабатывающих ката или возносящих молитвы под водопадом, среди них: основатель каратэ кёкусинкай – Ояма Масутацу и основатель айкидо – Уэсиба Морихэй. Помимо этого, существуют ритуалы, цель которых призвать божество на помощь воину, среди этих ритуалов специальные стойки с мечом, например Тэн-но камаэ - «Боевая изготовка неба», символизирующее

9 Ямаори Т. Лицо: Портрет и культура Японии. СПб., 2011. С. 80.

10 Там же. С. 81.

михасира – священный столб, на который боги спускаются с небес. Таким способом воин призывает божество войти в него и наделить своим могуществом. Также с этой же целью на клинках выбивались молитвы или призывы к божеству.

В японской традиции мастера боевых искусств, получившие божественное видение, становились основателями собственных школ и стилей. Знание, переданное богами, на практике проявляет себя в различных ката, составляющих канон школы. Использование такого боевого искусства уже дает воину преимущество, так как оно является «божественным». Помимо этого акт обретения видения знаменует собой переход воина на новый уровень мастерства и духовного развития, когда его накопленный опыт через измененное состояние сознания преобразуется в качественное изменение техники. Во многих историях подчеркивалось, что воин достигает душевного равновесия и понимания, что истинная цель боевого искусства не убийство, а поддержание и сохранение мира¹¹.

Акт получения знания от божества является популярным преданием среди школ будзюцу. Многие школы ведут свое происхождение от традиций храмов Катори и Касима, последователи которых достигли собственного просветления и основали свои школы. Перечислять все школы, связывающие себя с актом божественной передачи, не имеет смысла. Для иллюстрации их разнообразия приведем еще пару примеров. Об основателе школы верховой езды (бадзюцу) Оцубо-рю «Хонтё бутэй сёдэн» («Краткие биографии мастеров воинских искусств Японии») сообщает: «Однажды он направился в провинцию Хитати, помолился богу Касима и во сне узнал [правильные] размеры седла и стремян. Это правильное седло называют «седлом, [переданным] во сне». Оцубо хранил его как секрет и не поверял его другим людям. Говорят, что Додзэн – прямой ученик Великого бога Касима». В том же источнике об Оути Мухэн - основателе школы боя копьем Мухэн-рю говорится: «В письменном наставлении говорится: «Мухэн помолился богу горы Сэмбоку Маюми-яма, что в уезде Ёкотэ области Усю, [бог] наслал на него вещий сон, и Мухэн постиг божественную чудесную [сущность копейного искусства]»¹².

Главной особенностью шаманских традиций воинских культур были методы морально-психологической подготовки, направленные на получение преимущества над врагом. Шаманизм в культуре японских воинов выступает в качестве первого метода психофизического тренинга, способа контроля сознания и духовного совершенствования. Воины сталкиваются с опасностью лицом к лицу, и разбираться с ней приходится им самим, не надеясь на помощь священников или шаманов, поэтому воину требовались индивидуальные методы, практики и ритуалы для достижения победы. Во время моего знакомства и нашей беседы с известным мастером и основателем стиля такемусу айки учителем Томита Такед-

11 Кроучер М., Рейд Г. Путь воина: Парадокс боевых искусств. М., 2006. С. 145.

12 Демченко Н., Горбылев А. Ката в традиционных боевых искусствах самураев эпохи Токугава (1603 – 1867) // Научно-методический сборник «Хидэн» (боевые искусства и рукопашный бой). М., 2009. Вып. 2. С. 111.

зи, он сказал мне примерно следующее: «Если ты хочешь быть лидером, то ты должен научиться полагаться только на себя. Самурай всегда один», в наше время человек привык, что за ним всегда кто-то есть: семья, начальник, учитель, множество решений и последствий этих решений человек перекладывает на чужие плечи, однако, воину, сталкивающемуся со смертью лицом к лицу такая роскошь просто непозволительна. До нашего времени сохранилось множество ритуалов и практик японских боевых искусств, сохранивших элементы шаманизма.

Психологическая подготовка воинов постоянно совершенствовалась, а воины находились постоянно в поисках все более эффективных методов тренировки сознания. Берущие свое начало в мифологических временах традиции были дополнены практиками, проникшего на острова буддизма. Большое распространение, особенно в школах ниндзюцу, получили ритуальные практики и философия буддистской школы Сингон и синкретического учения Сюгэндо (путь обретения чудесных способностей)¹³.

Интересно, что буддизм школы Сингон органично влился и дополнил практику и теорию школ ниндзюцу и Тенсин Сёден Каттори Синто рю, однако, по сути, не изменил основных составляющих шаманской традиции. Поиск божественного откровения или видения уже был связан с поклонением богине Мариситэн, боги Такэмикадзути и Фуцунуси стали считаться лишь ее воплощением на японской земле, тем самым оказавшись, если так можно выразиться, в подчиненном положении; цели и значение поиска божественного откровения для воинов не изменились. Практика обретения видения обогатилась огромным количеством ритуалов эзотерической школы, среди которых практика кудзи-но-ин («написание девяти символов, или девяти знаков»), являющегося частью миккё («тайного учения») школы Сингон, а также всевозможными вариантами аскетических практик. Результат обретения божественного откровения для воина также, по сути, не изменился, все эти ритуалы и аскезы позволяли достигать измененного (просветленного) состояния сознания, благотворно влияющего на мастерство воина и его применение в бою.

Основатель школы Сингон – Кукай выдвинул доктрину рёбу-синто, согласно которой синтоистские божества являются лишь воплощением будд и бодхисатв¹⁴, так синтоистские боги Фуцунуси-но микото и Такэмикадзути-но микото были объявлены воплощениями бодхисатвы Мариситэн. Мариситэн была воспринята японцами как божество войны. Известны изображения богини в облики мужчины с тремя ликами, восседающего на диком кабане, в традиции ниндзюцу Мариситэн восседает на трехлапой вороне Ятагарасу¹⁵, символизирующей синоби – средневековых шпионов. Воины поклонялись богине Мар-

13 Горбылев А.М. Ниндзя: боевое искусство. М., 2010. С. 90.

14 Горбылёв А. М. Сёдзан энги – сказания о горах // Синто – путь японских богов: в 2 т. Т. 2.: Тексты синто. СПб., 2010. С. 211.

15 Хацуми М. Путь ниндзя: Сокровенная техника. М., 2011. С. 113.

риситэн, почитая ее как охраняющее божество. До сих пор существует школа Тайси-рю кэндзюцу, основанная полководцем эпохи Воюющих Царств Марумэ Нагаёси. Тренировки и показательные выступления этой школы начинаются с чтения сутры Мариситэн.

В традиции ниндзюцу считалось, что молитвы Мариситэн в совокупности с практикой кудзи-но ин дают верующему способность делать свое тело невидимым. В сборнике тайных наставлений ниндзя Ига и Кога – Бансэнсюкай, описан обряд для обретения невидимости «Онгё но дайdzi» включающий в себя чтение мантры Мариситэн «Ом Анити Мариси Эй Совака». Невидимость не позволяет врагу схватить лазутчика, защищает от различных ран, травм и повреждений, а вера в Мариситэн ускоряет исполнение желаний и достижение целей. В средневековом наставлении по искусству ниндзюцу «Сёнинки» Фудзиноиссуйси Масатакэ существуют предупреждения для ниндзя, чтобы они всерьез не рассчитывали стать невидимыми при помощи эзотерических практик: «Не существует никакого метода превратиться во что-то другое или изменить свою форму. Это большая ошибка, которая служит доказательством того, что являетесь самонадеянным и думаете, что другие люди понимают в шпионаже куда меньше, чем вы»¹⁶. Тем не менее, совершение данных религиозных церемоний позволяло ниндзя достигнуть определенного состояния ума и уверенности в собственных силах, что было необходимо для их работы. В вопросах практического применения искусства японцы в действительности не полагались на мистические практики, а использовали их для воздействия на собственное внутреннее психологическое состояние.

Одним из главных божеств школы Сингон является Фудо-мёо, чью статую устанавливают обычно слева от изваяния будды Дайнити, символизируя мудрость Дайнити. Фудо-мёо (на санскрите – Ачаланатха) означает «Неподвижный Светлый Царь» или «Неподвижный Защитник». Фудо-мёо традиционно изображают восседающим на камне, за спиной у него языки пламени, в правой руке меч, а в левой руке сеть, с грозным выражением лица. Фудо-мёо принимает гневный облик, чтобы вывести на правильный путь самых заблудших и плохих людей, которых невозможно спасти состраданием бодхисатвы. Фудо-мёо всегда полон решимости довести начатое до конца. Острым мечом он рубит заблуждения, а сетью ловит плохих людей и пробуждает в них мысли о вере. Огонь за спиной Фудо-мёо сжигает все заблуждения и плохую карму. Также огонь символизирует ад, который находится за спиной Фудо-мёо и в который он не позволяет живым существам упасть. Камень, на котором сидит Фудо-мёо, символизирует то, из чего создан ад, то из чего ничто не рождается. Обычно будды восседают на цветках лотоса. Во имя спасения грешников Фудо-мёо сжигает себя в адском огне, символизируя великое сострадание Дайнити, скрывающееся за грозным

16 Фудзиноиссуйси Масатакэ. Сё:нинки. Записи об истинном ниндзюцу. X., 2011. С. 63.

ликом¹⁷. Не удивительно, что Фудо-мёо становится одним из божеств, почитаемых японскими войнами. Среди школ боевых искусств, сохранивших в своем названии и философии элементы культа Фудо-мёо можно выделить школу Синдэн Фудо рю дакэнтайдзюцу (искусство бить кулаком по телу школы божественной передачи непоколебимости сердца).

Буддизм школы Сингон лег в основу синкретического учения сюгэндо (путь обретения чудесных сил), основатель этого учения – Эн но гёдзя пропагандировал, что путь к просветлению лежит через физическое страдание¹⁸. Среди экстремальных ритуалов этого направления: топтание на раскаленных углях, монотонное пение под холодным водяным потоком или вытягивание ног на краю пропасти¹⁹, местом проведения этих ритуалов были горы. Скорее всего, именно в горах и лесах произошла встреча последователей аскетических тренировок синтоистских культов, основанных на шаманизме, и последователей сюгэндо. Безусловно, японские школы боевых искусств восприняли учение школы Сингон в основном благодаря сюгэндзя (последователям сюгэндо) и горным отшельникам ямабуси²⁰.

Среди современных мастеров боевых искусств – последователей буддизма Сингон, использующих методы этой школы в практике и обучении боевому искусству можно выделить: сокэ Хапуми Масааки (основатель организации Будзинкан, глава нескольких школ боевых искусств), сихан Отакэ Гитсукэ (школа Тэнсин Сёден Катори синто рю), кантё Созно Ёсидзи (основатель стиля Сидокан каратэ).

Дзэн-буддизм очень часто называют религией самураев²¹, а некоторые исследователи неосмотрительно пренебрегают другими культурами и школами в исследовании философии и истории самурайского сословия и школ боевых искусств. Как мы уже видим, подобная точка зрения не является правильной, но все же стоит отметить, что дзэн-буддизм вывел методы психологической подготовки воинов на новый уровень. После того как дзэн-буддизм получил значительное распространение среди самураев, психологические методы тренировки воинов смогли освободиться от ритуальности и религиозных элементов. Дзэн не требует от последователей религиозности и поклонения статуям, повторения молитв или других религиозно-культовых действий, дзэн предлагает практику работы над своим сознанием, путь очищения сознания от «болезней» таких как страх, алчность, ненависть, злость и другие. Дзэн-буддизм во многом пошел навстречу тем, кто не собирался уходить в монахи, разработав такие понятия как активная медитация, медитация в действии, главной особенностью которой является концентрация на текущем моменте.

17 Горбылев А.М. Ниндзя: боевое искусство. С. 103.

18 Кужель Ю.А. Мир японского паломничества. М., 2012. С. 291.

19 Там же.

20 Горбылев А.М. Ниндзя: боевое искусство. С. 93.

21 Клири Т. Японское искусство войны. Постигание стратегии. СПб., 2012. С. 24.

Дзэн-буддизм проникает в Японию из Китая, где он называется чань-буддизм, в эпоху постепенного перехода власти в стране от родовой аристократии к военному сословию. Новая власть и военное сословие искало идеологические и религиозные учения, которые соответствовали бы духу воина и не были бы связаны с родовой аристократией, как школа Сингон. Среди последователей дзэн-буддизма огромное количество известных полководцев и мастеров боевых искусств. Среди них генерал-регенты периода Ходзё (1205-1332 гг.) Токиёри, Токимунэ и другие. Токиёри, принявший монашество, продолжая управлять страной, вел простую жизнь²². Он проходил обучение под руководством известных дзэнских наставников Догэна и Дорю. Его преемник Токимунэ (1264-1283 гг.) также был известным последователем дзэн. Именно этот великий полководец дважды обезглавливал посланцев монгольского хана Хубилая, который требовал, чтобы Япония сдалась добровольно, иначе он подчинит её силой. Существует история, что узнав о приближении монгольских войск, Токимунэ послал за своим учителем Цзу-юанем, желая получить наставление, возможно, последнее в его жизни. «Теперь, о преподобный, - сказал он, над страной нависла угроза». «Как ты встретишь ее? – спросил учитель». В ответ Токимунэ крикнул изо всех сил «Ка!», продемонстрировав негибкость своего духа. «О, я слышу рычание льва! – сказал Цзу-юань. – Ты и в самом деле лев. Иди и не отступай»²³.

Среди последователей дзэн также сёгуны Асикага, сторонник императора Годайго Кусуноки Масасигэ, известные полководцы эпохи Враждующих Царств: Харунобу Такэда (известный под буддийским именем Сингэн) и Тэрутора Уэсуги (известный под буддийским именем Кэнсин). Существует множество историй о сражениях между Кэнсином и Такэдой. Среди ярких эпизодов их противостояния выделяется эпизод, когда войска Кэнсина пробилась в ставку Сингэна. Сингэн увидел, что на него направлен меч, и услышал вопрос в духе дзэн: «Как ты поступишь в таком положении и в такое время?». Не имея времени вытащить меч, Сингэн отразил удар сковородой, одновременно с этим ответив: «Снежинка в раскаленной печи!». Как оказалось позже, всадником был сам Уэсуги Кэнсин²⁴.

Доктор Т. Судзуки описывает влияние дзэн на практику традиционных искусств следующим образом: «Одной из важнейших особенностей стрельбы из лука и прочих искусств, которые практикуются в Японии и, вероятно, в других странах Дальнего Востока, является то, что они не служат практическим целям, равно как и не предназначены для чисто эстетического наслаждения. Занятия подобными искусствами представляют собой работу над сознанием; цель же этой работы – достижение пределов реальности. И поэтому стрелок из лука упражняется в своем искусстве не только для того, чтобы попасть в мишень;

22 Нукария К. Религия самураев. Исследование дзэн-буддийской философии и практики в Китае и Японии. СПб., 2003. С. 57.

23 Нукария К. Религия самураев. Исследование дзэн-буддийской философии и практики в Китае и Японии. СПб., 2003. С. 58.

24 Там же. С. 62.

фехтовальщик на мечах – не только для того, чтобы повергнуть противника; танцор – не только ради ритмичных движений своего тела. Все они, прежде всего, стремятся привести сознание в гармонию с бессознательным»²⁵. Немецкий философ Е. Херригель пишет: «Традиционно японец чтит стрельбу из лука как искусство и завет предков, подразумевая под ней вовсе не вид спорта, а, как бы странно это ни звучало, культовое событие. Таким образом, он понимает под «искусством» стрельбы из лука не спортивное умение, обретаемое благодаря преимущественно физическому упражнению, а умение, чей исток надлежит искать в духовных упражнениях и сама цель которого состоит в поражении духовной цели: можно сказать, что стрелок целится в самого себя, и не исключено, что ему удастся попасть»²⁶. На примере этих цитат становится понятно, что дзэн для боевых искусств есть метод достижения духовного совершенства, способ достичь гармонии с собой.

Среди последователей дзэн огромное количество известных мастеров боевых искусств, среди которых Ягю Мунэнори, Миямото Мусаси, Ямаоко Тэссю и многие другие. Огромное влияние на философию и практик школ боевых искусств оказал дзэнский наставник Такуан Сохо, который являлся наставником известного мастера Ягю Мунэнори и, возможно, Миямото Мусаси. Именно в его сочинении появляется термин фудосин - непоколебимый дух, который становится впоследствии одним из ключевых принципов многих школ. «Видеть перед собой что-то и не позволять вниманию фокусироваться на нем – вот что такое непоколебимость. Ведь как только ум остановился, рождаются мысли, и в сознании воцаряется хаос. Когда хаос рассеивается, и мысли исчезают, оставившийся ум приходит в движение, но при этом прибывает в покое»²⁷. Смысл этой фразы можно описать следующим образом: если воин в поединке будет постоянно думать об опасности и как ее избежать, его сознание будет захвачено этой мыслью, он не сможет действовать свободно. Состояние фудосин, непоколебимого духа (или ума), это такое состояние, когда никакие внешние факторы или уловки не могут смутить воина, он сконцентрирован на задаче, но при этом свободно контролирует обстановку вокруг.

При этом Ягю Мунэнори в своем сочинении поясняет, что фудосин – это обычное состояние сознания, такое состояние, когда человек не испытывает страха²⁸. В обычных обстоятельствах отсутствие страха является обычным состоянием сознания, но в критической ситуации сохранение такого сознания требует специальной подготовки. Воин должен сохранять свободу действий, какими бы ни были обстоятельства. Ягю Мунэнори пишет: «Самое главное –

25 Судзуки Т. Предисловие // Дзэн и искусство стрельбы из лука. Путь дзэн. СПб., 2005. С. 13.

26 Херригель Е. Дзэн и искусство стрельбы из лука. Путь дзэн. СПб., 2005. С. 19.

27 Такуан Сохо. Письма мастера дзэн мастеру фехтования // Книга Самурая. М-СПб., 2008. С. 21.

28 Ягю Мунэнори. Хэйхо кадэн сё (Книга о семейной традиции искусства фехтования мечом) // Научно-методический сборник «Хидэн» (боевые искусства и рукопашный бой). М., 2010. Вып. 5. С. 72.

быть психически готовым к любой, даже самой критической ситуации»²⁹, при этом нельзя фиксировать взгляд на одной точке, останавливать сознание в одном месте и терять бдительность. Логическим продолжением понятия фудосин является понятие дзансин – непрерывающийся ум. Дзансин характеризует концентрацию на текущем моменте и следование развитию событий. Обычно в боевых искусствах на практике понятие дзансин выражается в сохранении концентрации на сопернике и готовности продолжить бой даже после того, как он был повержен. Например, после удачного технического действия, в результате которого противник был сражен ударом или брошен на землю, боец не бросается праздновать победу или полностью расслабляется, а продолжает наблюдать за противником, готовый продолжить бой в случае необходимости.

Один из величайших мастеров меча и государственный деятель эпохи Мэйдзи Тэссю Ямаока писал об одном из своих учителей: «Асари не был похож ни на одного мастера меча, с которым я когда-либо встречался, - он был податливый снаружи и твердый как алмаз внутри. Его огромная духовная сосредоточенность позволяла ему одержать победу над соперником прежде, чем тот что-либо предпримет»³⁰. Образ непобедимого мастера еще много лет всплывал перед глазами Тэссю, оказавшись для него серьезным психологическим препятствием: «Каждый день после тренировок с разными мастерами меча мне виделось, что Асари стоит передо мною как гора. И невозможно было ни нанести ответный удар, ни прогнать это видение»³¹. Впоследствии в результате тяжелых и многолетних тренировок и аскетических дзэнских практик Тэссю удалось избавиться от этого гнетущего образа, и он достиг состояния «без врага», когда мастер Асари перестал подавлять его психологически.

Когда встает вопрос об идеологическом воспитании японских воинов, всегда вспоминают о так называемом «Кодексе бусидо». Под «Кодексом бусидо» в основном понимают различные правила и морально-этические нормы, описанные в нескольких наиболее известных произведениях японских воинов: «Хагакурэ» Ямамото Цунэтомо, «Будосёсинсю» Тайра Сигэсукэ (Юдзан Дайдодзи) и др. Однако, некоторые положения этих произведений рассматривались исследователями неправильно и в довольно странном ключе. Одно из наиболее известных выражений: «Я постиг, что Путь Самурая – это смерть. В ситуации «или-или» без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно»³² воспринимается как свидетельство некой эстетики смерти или даже суицидальной направленности самурайской культуры, хотя практический смысл заключается в том, что воина учат не бояться смерти. В произведении Тайра Сигэсукэ есть похожий постулат: «Тот, кто собирается стать воином, считает своей главной заботой

29 Там же. С. 73.

30 Стивенс Д. Меч Без-Меча. Жизнь мастера боевых искусств Тэссю. СПб., 2012. С. 194.

31 Там же. С. 195.

32 Цунэтомо Ямамото. Хагакурэ // Книга Самурая. М-СПб., 2008. С. 69.

помнить о смерти все время, каждый день и каждую ночь, начиная с утра наступающего года и до поздней ночи года уходящего»³³. Последствием такого отношения к жизни, согласно автору, является укрепление характера и возрастание мужества. Действительно, человек, привыкший к мысли о смерти в момент опасности не будет смущен этой мыслью и не впадет в ступор или панику, а будет действовать спокойно и по ситуации, чем может спасти свою жизнь.

Таким образом, мы видим, что здесь не идет речь о маниакальном поиске смерти, а приводится лишь вариант психологической установки, помогающий избежать эмоционального шока. Юкио Мисима в книге «Хагакурэ нюмон» объяснил это следующим образом: «При этом неважно, насколько вынужденной является ситуация – если человек преодолевает ограничения и делает выбор в пользу смерти, он действует свободно»³⁴. С точки зрения пропаганды и идеологической подготовки воинов мысль о смерти за господина и о достоинстве смерти в бою служила для японских военачальников хорошим способом контроля своих подчиненных и эффективным методом поддержания боевого духа. Эффективность такой пропаганды была наглядно продемонстрирована во время Второй Мировой Войны, когда японские солдаты в массовом порядке показывали примеры самопожертвования, а летчики-камикадзе шокировали американских специалистов. Для понимания этого феномена ведомство военной информации США заказало исследование японского национального характера, результатом которого стала книга Рут Бенедикт «Хризантема и меч: модели японской культуры». Хотя книга вышла в 1946 г., работу над ней Рут Бенедикт начала в 1944 г., когда война была еще в разгаре, а американским стратегам срочно требовалась информация о противнике и о его особенностях. Сама причина возникновения этой книги указывает на особую важность понимания психологических аспектов подготовки противника³⁵.

Отдельно стоит остановиться на ритуале сэппуку или по-другому харакири. Именно этот ритуал не перестает будоражить умы исследователей, пытающихся его истолковать. Самой странной оценкой этого ритуала является наделение его некой эстетикой смерти. Сама идея наличия эстетики в ритуале самоубийства является пугающей и, скорее всего, далекой от реальности, но оставим этот вопрос для философов, которые находят эстетическое удовольствие в смерти. Для нас важно рассмотреть психологические составляющие данного ритуала. В первую очередь стоит отметить, что хотя сэппуку и является самоубийством, но в большинстве случаев, у воина просто нет иного выхода, т.е. воину в любом случае грозит смерть: либо через позорное отрубание головы на площади палачом, либо через сэппуку. Это важно понимать для того, чтобы не искать во всех случаях сэппуку болезненного влечения к смерти у самураев.

33 Клири Т. Кодекс самурая: современный перевод «Бусидо Сёсинсю» Тайра Сигэсукэ. М., 2007. С. 21.

34 Мисима Ю. Хагакурэ Нюмон // Книга Самурая. М-СПб., 2008. С. 227.

35 Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. СПб., 2007. С. 41.

Даже случаи добровольного исполнения сэппуку предполагали перед этим наличие некоего события, которое влекло для воина смерть социальную, единственным способом, избежать которой, и очистить свое имя и имя своего рода было сэппуку. В ритуале сэппуку есть два главных действующих лица: первый – это тот, кто должен умереть посредством вспарывания живота, второй – это ассистент (кайсяку), который должен отрубить голову после того как закончится вспарывание живота. Не будем рассматривать смысл всех ритуалов, а рассмотрим только действия двух главных действующих лиц. Человек, совершающий сэппуку должен самостоятельно сделать разрез живота слева направо, после чего, повернув кинжал, немного вверх. Кайсяку должен отрубить голову после того, как совершающий сэппуку сделал разрез живота, или же, в случае малодушия человека, отрубить ему голову не дождавшись разреза.

В качестве примера надлежащего поведения во время сэппуку приведем описание сделанное Лордом Алджерноном Митфордом: «Не спеша, недрогнувшей рукой он поднял кинжал, лежащий перед ним. Таки Дзэндзабуро задумчиво, почти с любовью смотрел на него. Казалось, что он в последний раз собирается с мыслями, а потом вонзил кинжал глубоко в левую часть живота ниже талии и медленно повел его вправо, после чего, повернув лезвие в ране, сделал небольшой надрез вверх. Во время этих тошнотворно-болезненных действий ни один мускул на его лицо не дрогнул», далее Митфорд сообщает о безукоризненных действиях кайсяку: «В этот момент кайсяку, который до того сидел слева от него и внимательно следил за каждым его движением, вскочил, взмахнул мечом, на мгновение задержав его в воздухе. Мелькнуло лезвие, послышались тяжелые неприятные звуки удара и падения – голова была отсечена от тела одним ударом»³⁶.

В качестве неподобающего поведения приведем следующие примеры: «При казни некоего Сано тот сказал своему кайсяку, что, когда будет вспарывать себе живот, непременно вскрикнет, и попросил его быть хладнокровным, когда тот будет отрубать ему голову»³⁷, далее кайсяку не стал дожидаться, когда Сано опозорит себя криком, проявив малодушие, кайсяку отрубил Сано голову в тот момент, когда тот только взял в руки поднос с кинжалом. В данном случае кайсяку спас честь Сано, не дождавшись его крика.

Другой эпизод, ярко иллюстрирующий необходимость должного психологического состояния и настроения у кайсяку, связан с известным писателем Мисима Юкио. При совершении сэппуку кайсяку у Мисима должен был быть Капитан Морита. После того как Мисима разрезал себе живот, он подает знак кивком головы, далее «Капитан Морита наносит рубящий удар мечом, сжимая его настолько крепко, насколько хватает сил. Но его поза и внезапный позыв к рвоте становятся причиной того, что клинок летит мимо цели и, скользя

36 Митфорд А. Легенды о самураях. Традиции Старой Японии. М., 2010. С. 388.

37 Там же. С. 379.

по плечам Мисимы, вонзается тому в спину – вместо шеи. Мисиму откидывает вперед. Тогда Морита наносит еще один удар, который на этот раз вообще приходится по пропитанному кровью ковру. Капитан поднимает меч в третий раз, в то время как его товарищи в ужасе пронзительно кричат: «Мо икай!» («Еще!»). Он размахивается вновь. На этот раз клинок вонзается в шею Мисимы, но под неправильным углом. Острие застревает, столкнувшись с челюстной костью, одной из самых твердых костей в человеческом теле. Морита, пытаясь выдернуть его, оборачивается к Старому Коге. Тот, все поняв без слов, тотчас выхватывает из рук Мориты меч, быстро подымает его, чтобы размахнуться, прицеливается и одним ударом отрубает голову Мисимы»³⁸.

Данный эпизод рисует перед нами ужасающую картину последствий малодушия кайсяку, причина этого в отсутствии должного психологического состояния, а значит и тренировки его. Считалось, что каждый самурай должен знать обязанности кайсяку и должен быть готов к совершенно сеппуку, но на практике в мирное время таких специалистов было немного. Во многих школах боевых искусств изучались специальные ката, призванные подготовить воина к таким обязанностям. Например, в школе Мусо Дзикадэн Эйсин-рю это ката так и называется «кайсяку», а в школе Мусо Синдэн-рю мы встречаем название «дзюнто»³⁹. Эти ката до сих пор изучаются в рамках программы указанных выше школ. Среди психологических советов для кайсяку можно встретить следующий: «Когда кайсяку видит, как помощник секунданта вносит поднос, на котором лежит малый меч вакидзаси, он должен собраться с духом и поместить душу ниже пупка»⁴⁰. Но главным условием, безусловно, остается прекрасное владение мечом, которое вырабатывается в ходе тренировки. В данном случае необходимо понимать, что такое техническое мастерство не просто дополняется должным психологическим состоянием, а просто невозможно без него.

Таким образом, мы видим, что главным секретом традиционных японских боевых искусств является психологическая подготовка воина. Многогранность боевых искусств Востока позволила этим древним традициям сохраниться до наших дней, сохранить практическое значение и не исчезнуть как многие воинские традиции Европы. Боевые искусства являются огромным пластом нематериального культурного наследия Японии. Сочинения японских мастеров боевых искусств до сих пор остаются малоизученными, хотя их содержание является поистине ценным источником сведений о психологии, стратегии и культуре японских воинов в целом. Безусловно, пренебрежительное отношение к воинской культуре и к истории боевых искусств Японии является одной из проблем многих востоковедов. Надеюсь, что эта статья оживит интерес исследователей к изучению такого многогранного и интересного явления мировой

38 Росс К. Меч Мисимы: По следам легендарного писателя и самурая. М., 2010. С. 21.

39 Росс К. Меч Мисимы: По следам легендарного писателя и самурая. С. 17.

40 Митфорд А. Легенды о самураях. Традиции Старой Японии. С. 379.

культуры, а также поможет по-новому взглянуть на боевые искусства, которые до сих пор остаются настоящей школой жизни, местом воспитания полноценных личностей, а не просто тренировочным залом в духе западного фитнеса.

Список использованной литературы:

- Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. СПб., 2007.
- Горбылев А.М. Синтоистская традиция воинских искусств // Синто – путь японских богов: в 2 т. Т. 1.: Очерки по истории синто. СПб., 2002.
- Горбылев А.М. Ниндзя: боевое искусство. М., 2010.
- Горбылёв А.М. Сёдзан энги – сказания о горах // Синто – путь японских богов: в 2 т. Т. 2.: Тексты синто. СПб., 2002. С 211 – 225.
- Демченко Н., Горбылев А. Ката в традиционных боевых искусствах самураев эпохи Токугава (1603 – 1867) // Научно-методический сборник «Хидэн» (боевые искусства и рукопашный бой). М., 2009. Вып. 2. С. 90 – 129.
- Клири Т. Кодекс самурая: современный перевод «Бусидо Сёсинсю» Тайра Сигэсукэ. М., 2007.
- Клири Т. Японское искусство войны. Постигание стратегии. СПб., 2012.
- Кроучер М., Рейд Г. Путь воина: Парадокс боевых искусств. М., 2006.
- Кужель Ю.Л. Мир японского паломничества. М., 2012.
- Митфорд А. Легенды о самураях. Традиции Старой Японии. М., 2010.
- Мисима Ю. Хагакурэ Нюмон // Книга Самурая. М-СПб., 2008.
- Мифы Древней Японии: Кодзики / Пер. со старояпонского, предисловие и комментарии Е.М. Пинус. Екатеринбург, 2005.
- Нукария К. Религия самураев. Исследование дзэн-буддийской философии и практики в Китае и Японии. СПб., 2003.
- Отакэ, Р. 2011. Учение школы Тенсин Сёдэн Катори Синто Рю. Режим доступа: [http://katori.ru /o-школе/учение-школы-оглавление/истоки-тэнсинсё/](http://katori.ru/o-школе/учение-школы-оглавление/истоки-тэнсинсё/). Дата доступа: 10.11.2013.
- Росс К. Меч Мисимы: По следам легендарного писателя и самурая. М., 2010.
- Стивенс Д. Меч Без-Меча. Жизнь мастера боевых искусств Тэссю. СПб., 2012.
- Судзуки Т. Предисловие // Дзэн и искусство стрельбы из лука. Путь дзэн. СПб., 2005. С. 13-17.
- Табата К. Секреты тактики: уроки великих мастеров. СПб., 2006.

Такуан Сохо. Письма мастера дзэн мастеру фехтования // Книга Самурая. М-СПб., 2008.

Умбритин Д.Н. Воины-звери, воины-колдуны: традиционные пути обретения боевой силы. Мн., 2007.

Флоке А. Самозащита. Практическое руководство для самостоятельного изучения. М., 1998.

Фудзиноиссуйси Масатакэ. Сё:нинки. Записи об истинном ниндзюцу. Х., 2011.

Хацуми М. Путь ниндзя: Сокровенная техника. М., 2011.

Херригель Е. Дзэн и искусство стрельбы из лука. Путь дзэн. СПб., 2005.

Цунетомо Ямамото. Хагакурэ // Книга Самурая. М-СПб., 2008.

Ягю Мунэнори. Хэйхо кадэн сё (Книга о семейной традиции искусства фехтования мечом) // Научно-методический сборник «Хидэн» (боевые искусства и рукопашный бой). М., 2010. Вып. 5.

Ямаори Т. Лицо: Портрет и культура Японии. СПб., 2011.

